
ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ПОЭЗИИ Н. ГУМИЛЁВА

О.А. Пороль

Кафедра русской филологии и методики преподавания русского языка
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, Оренбург, Россия, 460018

Автор статьи в онтологическом аспекте рассматривает поэтическую концепцию пространства и времени творчества Н.С. Гумилёва. Читателю предлагается обзор текстов разного временного периода. Рассмотрена семантическая наполняемость концептов «рай» и «сон».

В статье «Слово и культура» (1921) Мандельштам сказал: «Поэзия — плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозем, оказываются сверху. Но бывают такие эпохи, когда человечество, не довольствуясь сегодняшним днем, тоскуя по глубинным слоям времени, как пахарь, жаждет целины времен». Творчество Н. Гумилёва органически связано с миром, в котором сосуществует несколько временных сфер.

Часто проникновение в иные временные сферы даруется лирическому герою во сне. Сон — устойчивый концепт памяти («прапамяти»), онтологического пространства-времени Гумилёва.

Чтобы лучше понять «поэтическую» концепцию сна Гумилёва, ее сложную структуру, состоящую из глубинных слоев времени и пространства, уместно привести несколько примеров из творчества поэта:

Мне снятся королевские алмазы / И весь в крови широкий ятаган. / Мне чудится (и это не обман); / Мой предок был татарин косоглазый, / Свирепый гунн ...я веянем заразы, / Через века дошедшей, обуян; И вот мне приснилось, что сердце мое не болит; Заснув в тюрьме, виденья райские / Наверняка увидишь ты; Зачем он мне снился, смятенный, нестройный, / Рожденный из глубины наших времен, / Тот сон о Стокгольме, такой беспокойный, / Такой уж почти и не радостный сон...; Когда же, наконец, восставши / От сна, я буду снова я, — / Простой индеец, задремавший / В священный вечер у ручья; Я верю в предзнаменования, / Как верю в утренние сны; И четки сны ее, как тени / На райском огненном песке; Ах, мне снилась равнина без края / И совсем золотой небосклон; Но теперь я слаб, как во власти сна, / И больна душа, тягостно больна; О, хоть бы сон настиг меня скорей! / Уйти бы, как на праздник примиренья, / На желтые пески седых морей / Считать большие бурые камни; А весною на крыльях сна / Прилетают ангелы к нам; И последнюю милость, с которой / Отойду я в селенья святые.

Сон, как отражение инобытия в творчестве поэта, проникновение в иные временные пространства и миры — состояние, несущее в себе опасность столкновения с реальным страшным будущим — пророческая загадка творчества Гумилёва:

Молчу, томлюсь, и отступают стены —
Вот океан, весь в клочьях белой пены,
Закатным солнцем залитый гранит,

И город с голубыми куполами,
С цветущими, жасминными садами,
Мы дрались там... Ах, да! Я был убит.
(«Сонет», 1912)

Границы сна и яви в поэзии Гумилёва стерты, призрачны. Переходы из одного состояния в другое практически невидимы и несут с собой прорыв в инобытие, в познание истины:

В этот мой благословенный вечер
Собрались ко мне мои друзья,
Все, которых я очеловечил,
Выведа их из небытия.

Неужели мы Вам не приснились,
Милая с таким печальным ртом,
Мы, которые всю ночь толпились
Перед занавешенным окном.
(«В этот мой благословенный вечер...», 1917)

Настоящее время в творчестве поэта, пожалуй, менее всего реально. Чаще всего оно передается автором не через явь и не через сон, но близко к состоянию забытья, дремоты или чуда:

В мой лучший, светлый день,
В тот день Христова Воскресенья,
Мне вдруг примнилось искупленье,
Какого я искал везде.
Мне вдруг почудилось, что нем,
Изранен, наг, лежу я в чаше,
И стал я плакать надо всем
Слезами радости кипящей.
(«Счастье», 1915)

В позднем творчестве изображение земного мира сменяется описанием бессмысленной суеты, чего-то мелькающего, ненужного, лишнего, мешающего проникновению в иные онтологические временные глубины. Не имея целостности по причине потери смысла происходящего, настоящее время разрознено, фрагментарно, напоминает калейдоскоп совершающихся событий, различных физиологических особенностей героев:

И вот вся жизнь! Круженье, пенье,
Моря, пустыни, города,
Мелькающее отраженье
Потерянного навсегда.
Бушует пламя, трубят трубы,
И кони рыжие летят,
Потом волнующие губы
О счастье, кажется, твердят.

И вот опять восторг и горе,
Опять, как прежде, как всегда,
Седую гривой машет море,
Встают пустыни, города.

Когда же, наконец, восставши
От сна, я буду снова я, —
Простой индеец, задремавший
В священный вечер у ручья?
(«Прапамять», 1917)

Так временное пространство веков легко преодолевается автором, порою прошлое и будущее сосуществуют одновременно. Часто скоротечность времени равна бесполезности его проживания, прошлое («былое», зря прожитое время) мстит за беспечность проведенного времени:

Ах, и мукам счет и усладам
Не веками ведут — годами!
Гибеллины и гвельфы рядом
Задремали в гробах с гербами.

Все проходит, как тень, но время
Остается, как прежде, мстящим,
И былое, темное бремя
Продолжает жить в настоящем.
(«Пиза»)

Осознание важности ушедшего времени, попытка его анализа, проекция образов прошлого в настоящее и стирание временных эпох — отличительная черта поздней лирики Гумилёва.

Прошлое время для Гумилёва — святыня:
Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее!
(«Молитва», 1910)

Вся поэзия Гумилёва есть целостное (онтологическое) время, так как оно способно вмещать все времена, стать средоточием, вместилищем всех миров. Деление на настоящее, прошедшее и будущее время — лишь вынужденная лингвистическая условность поэта. Лирический герой поэта осознает, чувствует скоротечность земного времени и тяготится им. Земную жизнь поэт представляет как замкнутое, временное «минутное» пространство:

Я в коридоре дней сомкнутых,
Где даже небо — тяжкий гнет,
Смотрю в века, живу в минутах,
Но жду Субботы из Суббот;
(«Вечное», 1912)

Выражение «Суббота из Суббот» в славяно-русской традиции значит очень много. В Великую Субботу вспоминается сошествие Иисуса Христа в ад, когда

лишь телом Господь пребывал во гробе. Одновременно это событие означает и победу Иисуса Христа над адом и смертью.

На протяжении всей лирики смерть в сознании лирического героя неизбежно связана с раем, возможностью стать «другим» совершенным человеком, которому могут открыться иные знания и видение жизни:

Конца тревогам и удачам,
Слепым блужданиям души...
О день, когда я буду зрячим
И странно знающим, спеши!

Желание освобождения от земных «условностей» («дразнящего» женского тела, любви к путешествиям, которые способны рассеивать от глубоких дум) велико:

Я душу обрету иную,
Все, что дразнило, уловя.
Благословлю я золотую
Дорогу к солнцу от червя.

Слова «солнце» и «червь» — известные по своей смысловости библейские образы. Христос в русской культурной традиции отождествляется с образом Солнца. Например, в праздничной песне Рождеству Христову встречается выражение: «Тебе кланяемся Солнцу правды», в акафисте Иисусу Сладчайшему: «Воссия вселенной просвещение истины твоя» (Воссияло для всей Вселенной просвещение Твоей Истины, т.е. воссияло, как Солнце). В святоотеческой традиции принято считать, что «праведники, возрожденные словом Божиим, воссияют некогда, как солнце в царствии Отца их». Образ червя по специфике своих ассоциаций сложнее, чем образ солнца, мог быть заимствован автором из книг Ветхого Завета, Псалтири или из более поздних вторичных литературно-философских текстов. В Псалтири есть псалом, где скорбно описываются крестные страдания Христа: «Аз же есмь червь, а не человек, поношение человеков и уничижение людей» (Пс. 21: 7). По мнению святого Феодорита, эти слова произнес Господь, уничтожая себя, испытывая боль за все человеческие грехи мира:

И тот, кто шел со мною рядом
В громах и кроткой тишине,
Кто был жесток к моим усладам
И ясно милостив к вине,

Учил молчать, учил бороться,
Всей древней мудрости земли, —
Положит посох, обернется
И скажет просто: «Мы пришли».
(«Вечное», 1912).

Сочетание «древняя мудрость» все также означает прошлое время, столь ценное для поэта своей сакральностью, целостностью.

Для всей лирики Гумилёва характерно ощущение скоротечности настоящего (земного) времени и устремленность в будущее, в котором ценными поэту пред-

ставляются две категории: любовь и смерть. Обе онтологические величины неизбежно ассоциируются в творчестве поэта с пространством рая:

И пока к пустоте или раю / Необорный не бросит меня, / Я еще один раз отпылаю / Упоительной жизнью огня; Светлый рай, что розовее / Самой розовой звезды; Мне из рая, прохладного рая, / Видны белые отсветы дня; Пред тобой смущенно и несмело / Я молчал, мечтая об одном, / Чтобы скрипка ласковая спела / И тебе о рае золотом; Мне часто снились райские сады, / Среди ветвей румяные плоды; Так не умею думать я о смерти, / И все мне грезятся, как бы во сне, / Те женщины, которые бессмертье / Моей души доказывают мне; Но солнечным облаком рая / Ты в темное солнце вошла.

В поздней лирике Гумилёва смерть представлена как таинство, возможность открывания завесы бытия, осознания вечности. Она способна раздвигать горизонты, поднять на высоту, неизбежно устремляя лирического героя к раю:

Свод небесный будет раздвинут
Пред душою, и душу ту
Белоснежные кони ринут
В ослепительную высоту.
(«Смерть», 1915).

Через всю лирику поэта проходит чувство принятия смерти как реально существующей данности, воплощенной в физический образ (в раннем творчестве — «Старый конквистадор»), и все то же соглашение с ней (какое не найти в творчестве Мандельштама или Бунина) уже в религиозно-философском аспекте в позднем творчестве. Поэт слишком верил в будущее, раздвигая границы земного пространства:

Кто лежит в могиле —
Слышит дивный звон,
Самых белых лилий
Чует запах он.

Кто лежит в могиле,
Видит вечный свет,
Серафимских крылий
Переливный снег.

Да, ты умираешь,
Руки холодны,
И сама не знаешь
Неземной весны.

Но идешь ты к раю
По моей мольбе.
Это так, я знаю,
Я клянусь тебе.

(«Утешение», 1917).

Смерть для лирического героя — это необходимое состояние («строгий час»), через которое человек должен пройти, чтобы войти в иное пространство («рай»),

когда, наконец, вполне откроется прошлое, когда все времена в сознании человека объединятся:

Упаду, смертельно затоскую,
Прошлое увижу наяву,
Кровь ключом захлещет на сухую,
Пыльную и мятую траву.
(«Рабочий», 1916).

Преодоление земного временного пространства — свершившийся факт в поэзии Гумилёва. Поэту, как многим художникам слова, свыше была дана возможность «узнать» будущее:

И я приму — о да, не дрогну я —
Как поцелуй иль как цветок,
С таким же удивленьем огненным
Последний гибельный толчок.
(«Мое прекрасное убежище», 1913)

Осознание того, что настоящее — это лишь продолжение прошлого, т.е. нечленение на прошлое и настоящее, чувство прошлого всегда в настоящем, одна из ведущих мыслей поэта:

Все проходит, как тень, но время
Остается, как прежде, мстящим,
И былое, темное бремя
Продолжает жить в настоящем.
(«Пиза»)

А ночью в небе, древнем и высоком,
Я вижу записи судеб моих
(«Священные плывут и тают ночи»)

И понял, что я заблудился навеки
В слепых переходах пространств и времен,
А где-то струятся родимые реки,
К которым мне путь навсегда запрещен.
(«Стокгольм», 1917)

Несмотря на суетность, стремительность, фрагментарность настоящего времени, поэт говорит о нем «светло и свято», если происходит уплотнение времени, решение в нем жизненных сверхзадач (имеется в виду сборник стихотворений Гумилёва «Колчан»). Реальному физическому времени часто в такой ситуации может сопутствовать сакральный мир инобытия (И воистину светло и свято / Дело величавое войны, / Серафимы, ясны и крылаты, / За плечами воинов видны). Осознание глубины и целостности жизни достигается лирическим героем через состояние сна. В нем поэт обретает свободу, «райские виденья», возможность прочувствовать прошлое и увидеть будущее. Будущее в сознании поэта неизбежно ассоциируется с вечностью (раем) и трагическим пророчеством о собственной смерти. Прошлое время сакрально представлено в сознании автора событиями новозаветной и ветхозаветной давности. Так перед читателем возникает

сосуществование двух миров: небесного и земного — частый прием в изображении картин реального мира в поэзии Гумилёва. Физическая картина мира представляется автором как отражение внутренней. И если особенность ранней лирики Гумилёва — уход от современной реальности, стремление к экзотике, то впоследствии в мировоззрении автора происходит приятие действительности такой, какая она есть. Наблюдается сложное сосуществование автора в земном мире и мире сакральном. Постоянно обращаясь к прошлому, «пребывая» в нем, поэт раздвигает земные границы человеческого существования, «зная», что было до него и что впоследствии с ним станется.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гумилёв Н.С.* Полное собр. соч. В 10 т. — М.: Воскресенье, 1998.
[2] *Мандельштам О.Э.* Слово и культура: Собр. соч. В 4 т. Т. 1. — М.: Арт-Бизнес-Центр, 1999.

ONTOLOGIC SPACE AND TIME IN POETRY OF GUMILOV

O.A. Porol

Department of Russian Philology
and Methods of Teaching Russian Language
Philological Faculty
Orenburg State University
13, pr. Pobedy, Orenburg, Russia, 460018

The author of article in ontologic aspect considers the poetic concept of space and time of creativity of N.S. Gumilov. The review of texts of the different time period is offered to the reader. It is most in detail considered concept “paradise” and “dream”.